

Что там думали придворные чины, Хан Сиэню было глубоко безразлично. Он неторопливо шел к выходу из дворца. В глазах Гао Фэна, заместителя командующего императорской гвардией, его медленная походка казалась свидетельством тяжелых дум — офицер не сомневался, что виной тому непосильное бремя высочайшего приказа.

Мало того что провинившихся принцев требовалось взять под стражу, так император еще и возложил на Хан Сиэня заботу о поиске места для их заточения. Когда Гао Фэн выслушал высочайшее повеление, у него на мгновение задержалось веко: столь нелепым казался этот указ.

Высокие особы, да еще сразу двое — обуза тяжелая и неблагодарная. Хан Сиэню было отчего помрачнеть.

Неторопливый шаг Хан Сиэня приводил Цзи Жуна в бешенство. Будучи зажат гвардейцами, второй принц с трудом подавлял кипевшую внутри злобу. При мысли о том, что вскоре ему придется предстать перед толпой досужих зевак, его обычно кроткое лицо искажалось яростью. Взгляд, которым он буравил спину Хан Сиэня, казался острым как клинок.

Цзи Ло на его фоне держался куда достойнее. Лицо его тоже потемнело от гнева, но в глазах читалась не слепая ярость, а сосредоточенное недоумение. Он лишь опасался, что грубое вмешательство Хан Сиэня нарушит его тщательно выстроенные планы. Впрочем, в поместье маркиза Цзинго сидели люди осторожные. Отрезанный от возможности передать весть, Цзи Ло уповал на их благоразумие: без его прямого указания они не станут рисковать и подставляться под удар.

Эти мысли немного утишили его тревогу. Он искоса глянул на брата, чувствуя, как злорадство согревает душу. В конце концов, выходка Хан Сиэня напрочь отрезала Цзи Жуна от вдовствующей императрицы.

Для внешнего мира все выглядело однозначно: второй принц впал в немилость и отправлен в заточение. Те из придворных, кто заигрывал с его фракцией или колебался, теперь прикусят языки и затаятся. Сам Цзи Ло и прежде не пользовался благосклонностью отца, так что его потери были невелики. А вот Цзи Жун лишился практически всего.

Цзи Ло даже не пытался скрыть издевку, и второй принц, заметив это, смерил его испепеляющим взглядом. Однако, помня о маске утонченного поэта, которую он годами носил перед светом, Цзи Жун сдержался и лишь тихо, сочась ядом, спросил:

— К чему эти взгляды, третий брат? Неужто совесть нечиста?

«Обвинить меня в том, что я не родной сын императора, лишь бы выстроить собственную выгоду... На какую же подлость способен этот ублюдок!»

Цзи Ло, разумеется, не умел читать чужие мысли. Услышав вопрос, он мгновенно стер с лица

ухмылку, принял преувеличенно строгий вид и, глядя строго перед собой, ответил:

— Второй брат, мы оба сейчас под подозрением и обязаны следить друг за другом. Если отец узнает, что мы шепчемся, это не пойдет нам на пользу. Давай отложим разговоры. Вот снимем с себя все обвинения, накроем стол, тогда и побеседуем как следует.

От этой небрежной отповеди у Цзи Жуна едва не лопнуло терпение. Спокойный, даже шутливый тон брата уязвлял его сильнее прямых оскорблений. Глядя на то, как кривится лицо соперника, Цзи Ло испытывал ни с чем не сравнимое наслаждение. В этот миг он наконец понял, почему Хан Сиэнь так любит доводить людей до глухого безмолвия. Оказывается, это чертовски приятно.

Гао Фэн благоразумно притворился глухим: встывать в пикировку августейших братьев гвардейцу было не по чину. А вот Хан Сиэня их перешептывание явно раздражало. Он резко остановился, обернулся и, нахмутив брови, смерил принцев недовольным взглядом. Под прицелом десятков глаз его голос прозвучал сухо и резко:

— Вы двое часом не пытаетесь обменяться тайными знаками? Если не хотите усугубить свое положение, лучше держите языки за зубами.

В этот момент оба принца разделили редкую для них, но удивительно цельную мысль:

«До чего же хочется придушить этого мерзавца!»

Оставив их вариться в собственном гневе, Хан Сиэнь отвернулся и продолжил путь к воротам — едва переставляя ноги, раза в два медленнее своего обычного шага.

Гао Фэн, плетущийся следом, мысленно стонал: ему казалось, что этой дороге из дворца не будет конца.

Когда процессия миновала ворота, Хан Сиэнь замер перед величественным фасадом императорского города. Лицо его было темнее грозовой тучи. Вокруг повисла мертвая тишина. Даже стражники у ворот вытянулись в струнку, боясь пошевелиться.

Подождав немного и устав смотреть на застывшую фигуру наследника, Гао Фэн осторожно шагнул вперед и тихо спросил:

— Наследник, куда мы держим путь?

Хан Сиэнь неторопливо повернул голову, окинул взглядом кольцо гвардейцев, сжимающих принцев, тяжело вздохнул и глухо обронил:

— Никуда не пойдем. Веди их ко мне домой.

— Что?! — Гао Фэн онемел от изумления. Он подался вперед, лихорадочно соображая, правильно ли расслышал: — Наследник, вы хотите, чтобы мои люди оцепили поместье герцога Ханя вместе с августейшими особами внутри?

Гвардейцы Гао Фэна должны были неотлучно стеречь принцев, держа их в плотном кольце. Если разместить их в герцогском поместье, оцепление неизбежно выстроится прямо у ворот дома. Выглядеть это будет скверно. Окруженная солдатами усадьба в глазах прохожих мгновенно превратится в логово заговорщиков. Для семьи Хань это сулило несмыслимый позор, и Гао Фэн сильно сомневался в разумности такого шага.

Однако стоило Хан Сиэню лениво процедить: «Если не нравится, можем запереть их у тебя дома», как Гао Фэн тут же преисполнился рвения. Он низко поклонился и с самым решительным видом произнес:

— Благородство наследника не знает границ! Я глубоко восхищен вашей мудростью и клянусь, что исполню волю государя и ваш личный приказ без малейшего промедления!

Хан Сиэнь лишь безучастно хмыкнул и с легким сердцем двинулся в сторону своего родового гнезда.

Трудно сказать, о чем думали шпионы столичных чиновников, следившие за каждым их шагом, но император, получив донесение, искренне расхохотался. Повернувшись к евнуху Юань Бао, он весело заметил:

— Вот пусть теперь помучается с этой обузой! Сам виноват — вечно лезет на рожон со своим ядовитым языком.

Юань Бао угодливо подхихикнул, поддакивая господину, но благоразумно промолчал. Про себя же он искренне восхитился коварством Хан Сиэня: усадить под домашний арест двух принцев в собственном семейном доме — это надо же было додуматься! Удар по репутации герцога Ханя был нанесен поистине сокрушительный.

\*\*\*

Тем временем в самом поместье герцога Ханя известие о том, что Хан Сиэнь привел к воротам целое войско императорской гвардии, произвело эффект разорвавшейся бомбы. У Хан Чжо и остальных домочадцев сердца ушли в пятки. Герцог решил, что его безумный сын окончательно отбросил приличия и явился разорять родной дом.

Вся усадьба забурилась. Старая госпожа Хань, позабыв о ломоте в костях, спешно покинула Дворик Вутонов и почти бегом устремила к парадным дверям. Госпожа Лю, госпожа Чжан и

госпожа Вэнь пребывали в полнейшем смятении, а уж о младшем поколении и говорить не приходилось — паника охватила всех. Относительное хладнокровие сохраняла лишь Хань Минчжу.

«Что бы он ни задумал, грабить собственную семью Хан Сиэнь не станет».

Парадные двери распахнулись. Хан Чжо, стоявший во главе перепуганной родни, увидел шагнувшего через порог Хан Сиэня. Следом за ним маршировали вооруженные гвардейцы. Герцог уже собирался разразиться гневной тирадой, как вдруг его взгляд упал на зажатых стражей Цзи Жуна и Цзи Ло.

Изумлению его не было предела.

«Даже если принцы совершили государственное преступление, их место в Министерстве юстиции! При чем здесь наше поместье?»

Хан Сиэнь даже не взглянул на застывших в оцепенении родственников. Повернувшись к Гао Фену, он холодно скомандовал:

— Отведи второго и третьего принцев в восточное крыло Дворика Душистых Орхидей. Установи круглосуточные посты. Места там немного, но пара свободных комнат найдется, пусть выбирают любую. Обиды им не чинить. Еду я буду приносить лично. Ни одной живой душе без моего прямого дозволения к ним не приближаться. Нарушителей — казнить на месте.

Гао Фэн благоразумно отвел взгляд от искажившегося от ярости лица герцога Хан Чжо. Быстро уточнив дорогу к нужному дворику, он откланялся и увел арестованных.

— Размести их поскорее, — бросил вслед Хан Сиэнь. — Нам еще нужно привезти одного дорогого гостя.

Офицер коротко бросил: «Будет исполнено» и поспешил прочь.

Когда шаги стражников затихли в глубине усадьбы, Хан Сиэнь повернулся к притихшим домашним и, одарив их вежливой, но ледяной улыбкой, пояснил:

— Принцы допустили досадную оплошность. Государь велел содержать их под стражей вне дворцовых стен. Лучшего места я не нашел, так что побудут пока у нас. Надеюсь, ни у кого нет возражений?

Глядя на заполонивших двор гвардейцев, Хан Чжо проглотил обиду. Через силу натянув на лицо подобие улыбки, он процедил:

— Раз такова воля Его Величества, мы лишь рады послужить короне.

Хан Сиэнь усмехнулся шире. Его взгляд неторопливо скользнул по молодым господам — Хан Юэчжуну и Хан Юэцину. В его голосе зазвучала откровенная издевка:

— К слову, эти гвардейцы преданы лично императору. Наш владыка не терпит праздности и терпеть не может никчемных бездельников. Так что постарайтесь не ударить в грязь лицом и не опозорить имя предков перед гостями.

Лицо Хан Юэчжуна пошло багровыми пятнами от гнева. Он открыл было рот, чтобы ответить на оскорбление, но Хан Сиэнь уже отвернулся, потеряв к нему всякий интерес. Хан Чжо предостерегающе зыркнул на сыновей, и под его тяжелым взглядом юноши мигом притихли.

Первый испуг уступил место расчету, и в душе герцога Хан Чжо начала зарождаться безумная надежда. В его голове созрел план: нужно срочно связаться с сестрой, добродетельной наложницей Хан Юнь, чтобы та выведала во дворце, чем именно провинились принцы и насколько глубок гнев государя.

У Великой Чжоу не так много наследников. Если второй и третий принцы окончательно лишились доверия отца, на доске остаются лишь двое: первый и пятый. О скудоумии первого принца в столице слагали анекдоты. Значит, единственным достойным кандидатом становится пятый принц, Цзи Хуай. В таком случае трон для него — дело решенное.

От этих мыслей у Хан Чжо перехватило дыхание. Он пылливо всматривался в лицо Хан Сиэня. Герцог прекрасно знал, что сын никогда бы не стал действовать на благо семьи добровольно, но арест принцев происходил на его глазах, и этот факт невозможно было игнорировать. Что же за игру затеял этот негодник?

То, о чем догадался Хан Чжо, пришло в голову и другим. Во дворце Хан Юнь, услышав об аресте племянников императора, поначалу опешила, но затем ее захлестнул восторг. Она пыталась сохранить приличествующее ее статусу спокойствие, но радость рвалась наружу.

Она не утруждала себя сложными интригами, думая лишь об одном: как устроить так, чтобы в ближайшие дни Цзи Хуай как можно чаще попадался на глаза императору. Будет просто замечательно, если государь под подвернувшуюся горячую руку объявит его наследником престола.

В покоях вдовствующей императрицы царил безмолвие. Услышав новость, престарелая владычица лишь выронила из рук драгоценную чашу, которая с тихим звоном разлетелась на куски, после чего во дворце вновь воцарилась прежняя тишина. Единственной, кто поднял шум в гареме, оказалась приемная мать Цзи Жуна — благородная супруга Ши.

Узнав о случившемся, она тотчас поспешила к императорскому кабинету, надеясь выведать подробности, но была встречена вежливым отказом евнуха Юань Бао, который мягко

выпроводил ее прочь.

Впрочем, благородная супруга Ши не слишком сокрушалась из-за неудачи. К приемышу она испытывала противоречивые чувства: крупницы материнской нежности в ней уживались с затаенной неприязнью. Тем не менее положение обязывало ее разыграть заботу — Цзи Жун все же считался ее законным сыном.

Что же касается столичного чиновничества, то, едва весть о размещении принцев в усадьбе Хань подтвердилась, многие из них с досадой хлопнули себя по коленям, уверенные, что разгадали хитрый замысел.

Поговаривали, что Хан Сиэнь и его отец попросту разыгрывают перед светом спектакль. Мол, их многолетняя вражда — не более чем фарс, призванный усыпить бдительность врагов, тогда как на деле они действуют заодно. И вот результат: стоило им объединить усилия, как двое сильнейших претендентов на трон оказались под стражей, расчистив путь пятому принцу. В глазах двора семейство Хань стояло на пороге небывалого величия.

О первом принце, обделенном умом силаче, в эти дни никто даже не вспомнил.

\*\*\*

Домыслы толпы мало заботили Хан Сиэня. Убедившись, что гвардейцы надежно заперли принцев, он одарил отца вежливым поклоном и небрежно бросил:

— Отец, у нас с заместителем командующего еще остались незавершенные дела. Прошу тебя, проследи, чтобы никто из слуг не совался к дворику Орхидей. Если случится беда, даже я не смогу замять это дело.

Под прицелом десятков глаз вооруженных солдат Хан Чжо смог лишь молча кивнуть, едва сдерживая kloкочущую внутри ярость.

Хан Сиэнь, удовлетворенный его покорностью, развернулся и вместе с Гао Фэном направился напрямиком к усадьбе Бай.

Когда слуги дома Бай увидели приближающийся отряд гвардейцев во главе с Хан Сиэнем, на них снизошло мрачное онемение. Это казалось неизбежным роком.

Наследник, снискавший дурную славу грозы казнокрадов, во время своего первого визита пощадил их жилище. Тогда обитатели усадьбы вздохнули с облегчением, решив, что беда миновала. Но судьба распорядилась иначе — уйти от расплаты им так и не удалось.

Хан Сиэнь велел оцепить дом, после чего отправил Гао Фэна на поиски второго молодого господина, Бай Эня. Сам он остался во дворе, безразлично выдерживая полный бессильной

злости взгляд хозяина дома, Бай Цзюня. Впрочем, обвинить юношу в самоуправстве чиновник не мог: на этот раз у Хан Сиэня на руках был императорский указ, а не обычное решение, которое он выбивал постфактум.

Формулировки в свитке были туманными — упоминалась лишь некая дерзость со стороны семейства Бай. Бай Цзюнь долго всматривался в роковые иероглифы на желтом шелке. Его лицо медленно серело. В конце концов он прикрыл глаза и тяжело опустил плечи, покоряясь неизбежному.

Хан Сиэнь за все это время не проронил ни слова.

Вскоре гвардейцы вывели испуганного Бай Эня. Юноша растерянно озирался, явно не понимая, в чем его вина.

Тут же появилась и его мать, госпожа Ван. Она изо всех сил пыталась сохранить достоинство, но бледность выдавала ее глубокую тревогу.

Хан Сиэнь перевел взгляд с побледневшего юноши на господина Бая и тонко, едва заметно улыбнулся:

— Господин Бай, не извольте беспокоиться. О конфискации имущества речи не идет. Однако ваш почтенный сын оказался замешан в одном весьма щекотливом деле, касающемся внутренних покоев дворца. Поскольку затронуты интересы императорской семьи, я вынужден просить всех обитателей этого дома не покидать его пределов до окончания расследования. Как только истина откроется, я лично верну вам молодого господина.

Бай Цзюнь лишь угрюмо промолчал. Госпожа Ван, напротив, сделала шаг вперед, тщетно пытаясь скрыть овладевший ею ужас:

— Куда вы уводите моего сына?

Хан Сиэнь смерил ее равнодушным взглядом:

— Туда, где ему самое место. — Он небрежно взмахнул рукой, призывая стражу. — Уведите его.

Справившись с первоначальным потрясением, Бай Энь повел себя на удивление достойно. Он почтительно поклонился родителям и мягко произнес:

— Матушка, батюшка, не тревожьтесь обо мне. Моя совесть чиста. Я лишь отвечу на вопросы следствия и вскоре вернусь домой.

Его слова не принесли облегчения. На лице госпожи Ван отразилась такая мука, словно она

знала нечто ужасное. Она открыла было рот, силясь что-то сказать, но так и не выдавила ни единого звука.

Не желая затягивать сцену семейного прощания, Хан Сиэнь развернулся и покинул усадьбу.

Оказавшись на улице, он негромко проинструктировал Гао Фэна:

— Оставь у ворот надежных людей. Никого не выпускать. И установите тайную слежку за госпожой Ван.

Офицер молча кивнул.

Хан Сиэнь произнес это в присутствии арестованного, и Бай Энь тут же вскинулся, безуспешно пытаясь вырваться из хватки стражников:

— Хан Сиэнь! Что это значит? Зачем следить за моей матерью?

Хан Сиэнь посмотрел на него со странной, почти жалостливой полуулыбкой и негромко обронил:

— Скоро сам все поймешь, молодой господин Бай.

Юноша сердито нахмурился. Спустя некоторое время он с крайним изумлением обнаружил, что его привели в усадьбу герцога Ханя.

Но настоящий шок ждал его впереди. Во внутреннем дворе, окруженном плотным кольцом вооруженных до зубов гвардейцев, сидели хмурые, злые как черти второй и третий принцы. И судя по их ледяным взглядам, новому соседу они были совсем не рады.

<http://bllate.org/book/20088/2002054>